

Народный художник России Юрий Походаев ничего не придумал. Как было — так было. Его живые воспоминания передают ритм военных дней, настроение наших людей в тяжелые дни осени 1941-го. Тогда каждый — будь он артиллеристом у пушки или токарем на заводе боеприпасов — жил надеждой, что именно его снаряд достанет врага в «самый решающий» миг. Эта надежда по-своему выражена и в воспоминаниях Походаева, а потому его рассказ объективно правдив, хотя о тех днях и писали, и рассказывали совсем по-другому...

А ПАРЕНЬКОМ ЭТИМ БЫЛ Я

Вел. Москва - 2002 - 8 мая - 6.3.

Этому московскому пареньку исполнилось в том году всего 12 лет. Был он круглым сиротой: отец погиб в тюрьме, мать была в плену у немцев. Худой и голодный, он бродил по улицам, когда встретил соседа по дому — дядю Колю. «Я на фронт ухожу, с ополчением. И тебя с собой заберу, здесь ты от голода и холода пропадешь...»

Какой же мальчишка откажется от того, чтобы его взяли на фронт? А через несколько дней он с ополченцами уже ехал на поезде в сторону Волоколамска. Неожиданно налетели немецкие самолеты. В живых остались немногие. Погиб и дядя Коля. Нужно было возвращаться в Москву.

Холод и страх заставляли идти, не останавливаясь; всю ночь и день. В окрестных деревнях никого не было. В голове гудели колокола. Скорее всего, они звонили по дяде Коле. Наконец показалась Москва-река. Перешел мост — тихо, никого. Вдруг слышит сильный, пронзительный голос.

— Эй, малый, подь сюда.

Подошел. Стоит пушка. А рядом сидит солдат, обросший щетиной, лицо — морщинистое, как печеное яблоко. А в морщинках два маленьких глаза затерялись. Он то и дело поправлял сползавшую на глаза шапку-ушанку и тревожно к чему-то прислушивался, словно охотник, ожидающий глухаря...

— Откель идешь? — спросил солдат.

— От Волоколамска...

— И где это?

— Там, — паренек махнул рукой в сторону запада...

— А немцев не видать?

— Не-е-е, — протянул мальчишка.

Посмотрел солдат на мальчика: в чем только душа держится. Достал из-за пазухи горбушку черного хлеба, а тут вдруг — среди мертвой тишины — шум приближающейся техники. Немцы!

Они подъехали к краю моста, на левобережье. Несколько бронемашин и мотоциклисты. Замерли, разглядывая в бинокль противоположный берег и близкую окраину города...

Пареньку стало страшно: сейчас рванут всей стаей через мост — и все, остановить их будет уже невозможно. Но тут солдат кивнул на ящик со снарядами:

— Ты мне их подавай, а я пушку наводить буду.

Пушечка была меленькая, 45-го калибра. Мальчишка схватил снаряд. Взялся за него как-то неловко; упал, поднялся, передал солдату и пошел за другим. Ахнул выстрел; за ним второй, третий. Одна бронемашина загорелась, из нее повалил черный дым... Немцы засуетились, дали несколько очередей из автоматов и... развернувшись, уехали. Бог весть что им почудилось на правом берегу: видимо, решили, что пушечка — только форпост обороны русских...

Солдат скрутил «козью ножку», насыпал в нее махорки, выбил икру огромным кресалом, прикурнул от фитиля и разломил наконец ту

самую вождленную горбушку хлеба. Посмотрел на две половины, посравнил — и отдал меньшую ту, которая побольше. Они стали молча жевать. О чем было говорить? Они же не знали, что этот случай оказался роковым для немцев: если бы эта самая разведка с бронемашинами и автоматами знала, что кроме пушечки, одного солдата и мальчишки 12 лет на этой дороге к Москве нет больше никого... Но немцы, очевидно, решили, что мост заминирован, что слабостью огня их заманивают в засаду, а берег — в обороне и надо готовиться к настоящему штурму...

Но штурм уже не случилось. Время было упущено. В следующие дни подступы к городу были перекрыты регулярными войсками, переброшенными с другого фронта...

Спустя несколько лет после окончания войны я неоднократно встречался с легендарным героем, маршалом Василием Ивановичем Чуйковым. Однажды рассказал и про этот случай. Маршал слушал молча, не перебивая, одновременно размышляя о чем-то своем. А после длинной паузы шепотом произнес:

— Всего два человека... А если бы их не было? А как имя этого солдата, случайно не знает?

Мое молчание было красноречиво — я этого не знал.

— А паренька?

— А пареньком этим был я...

Юрий Архипович ПОХОДАЕВ,
народный художник России